

УДК 101.9:122:141:172.1:321:340.12

Расширение либерализма коллективизмом у С. И. Гессена*

Ю. Б. Мелих

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Мелих Ю. Б. Расширение либерализма коллективизмом у С. И. Гессена // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 1. С. 35–48. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.103>

В статье рассматривается принцип расширения С. И. Гессеном либерализма коллективизмом. Показано, что обоснование возможности объединения идей социализма, коммунитаризма и либерализма можно найти как в современной Гессену исторической реальности, так и в состоянии философских, правовых и социальных концепций. Социально-политические взгляды Гессена интерпретируются как поиск компромисса между социалистическими идеями его кумира А. И. Герцена и либеральными идеями отца, И. В. Гессена. Показан также поиск компромисса между моральным максимализмом правового нигилизма Вл. Соловьева и либеральным правом Б. Н. Чичерина. Подчеркивается значение приверженности Гессена трансцендентальной теории ценностей культуры Баденской школы неокантианства для его теоретизации истории и личности. Рассматривается понятие *коллективной личности*, теоретическими истоками которого являются «сложная коллективная личность» О. фон Гирке и «коллективная личность» М. Шелера. Понятие коллективной личности, которое используют Гессен, а также Л. П. Карсавин, указывает и на близость концепции Гессена ко взглядам славянофилов и философии всеединства Вл. Соловьева, что подтверждается и влиянием на Гессена теории социального права Г. Д. Гурвича, использующего понятие «соборная собственность». Делается вывод о том, что разработанный принцип расширения либерализма посредством применения понятия коллективной личности и созданная Гессеном на этом принципе концепция правового социализма могут послужить основой для объяснения констатируемой в социальных и правовых науках сегодня парадоксальной ситуации — сближения либерализма и коммунитаризма, — что делает данное исследование актуальным.

Ключевые слова: либерализм, неолиберализм, коммунитаризм, право, коллективная личность, принцип расширения либерализма, И. С. Гессен, Л. П. Карсавин, О. ф. Гирке.

Социально-политические взгляды Сергея Иосифовича Гессена следует рассматривать как поиск компромисса между социализмом (коммунитаризмом) А. И. Герцена и либерализмом (индивидуализмом) Иосифа Владимировича Гессена. О влиянии Герцена на мировоззрение Гессена в первую очередь свидетельствует статья последнего в сборнике «О мессии», в которой Герцен выступает чаемым мессией,

---

* Статья представляет результат исследований в научной стажировке в 2018 г. в Коллеге им. Кета Гамбургер «Право как культура» в Боннском университете (Германия).

«отображением» и «квинтэссенцией своего времени». Непоколебимое следование *социалистической идее* и отход от марксизма как смыслообразующие социальной концепции Гессена — это также дань уважения Герцену. Почему Герцен? Представляется, что такой выбор во многом определяется общностью их судеб — оба незаконорожденные и любимые дети своих отцов, оба социально активны, приверженцы разума, ученые и публицисты. Это подтверждается и высокой оценкой Гессеном творчества А. И. Герцена, которого он считает «революционной душой XIX в. во всей Европе». И в то же время, отталкиваясь от Герцена, Гессен констатирует: «Если сейчас захотеть спасти человечество, то нужно стать революционером в другом смысле. Революционер в смысле современности — это социалист. Социализм один способен спасти старый мир...» [1, S. 49]. Судьба странствующего мудреца, отбравшего свое время, была определена и Сергею Иосифовичу. Он также видит себя не деятельным участником революционных событий, а *призванным собеседником* на пиру богов в роковые минуты мира. Анжей Валицкий, ученик Гессена в Польше, вспоминал, что Сергей Иосифович любил цитировать стихотворение Ф. И. Тютчева «Цицерон»:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

Кроме Герцена у С. И. Гессена был и другой кумир — его отец, Иосиф Владимирович. Сергей Иосифович вспоминает, что вплоть до IV класса гимназии отец, который был активным политическим деятелем, издателем, публицистом, одним из основателей партии конституционных демократов и *либералом*, оказывал на него «наибольшее влияние». Поэтому социальные исследования и позиция Гессена — это своего рода попытка *примирить социалистическую идею с либерализмом*, при этом внося в них специфику, т. е. найти в правовом социализме компромисс между правдой правового нигилизма в России и либерализмом.

Кант и Маркс

Научная деятельность Гессена начинается со студенческих рефератов по социальной философии, теории прогресса О. Конта (Comte) и Кондорсе (Condorcet). Упомянув наиболее повлиявшие на его мировоззрение книги, он называет «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса, которую он прочитал по рекомендации «товарища отца по революционному кружку» А. Штернберга и которая стала «первым введением» его в марксизм и несомненно повлияла на его «отчаянную революционность». О революционной деятельности Гессена в студенческие годы нет свидетельств, хотя он дружил с активными революционерами Борисом Валентиновичем Яковенко и Богданом Александровичем Кистяковским. Во Фрайбурге, куда он переехал для учебы у Генриха Риккерта (Rickert) после первого семестра в Гейдельберге, в зимний семестр 1908/1909 г. Гессен и его жена Нина Минор числятся членами студенческого «читального зала» — распространенная и популярная форма организации русских, преимущественно политически активных, студентов в Германии. В своей диссертации «Об индивидуальной

причинности» (1909) Гессен затрагивает социальную проблематику, анализируя принцип индивидуальной каузальности, введенный Г. Зиммельем для теоретизации социальной реальности. По мнению Гессена, Зиммель *недостаточно* четко различает метод и обрабатываемую им реальность и тем самым допускает возможность признания социальных и исторических законов как имманентных социальной действительности. Для Гессена как неокантианца не существует законов истории, а исторические понятия — это только формы обработки иррациональной жизненной стихии, что свидетельствует о его уходе от исторического детерминизма. Социальная активность Гессена в Германии перемещается из революционной деятельности в академическую. И в то же время социальная тематика остается для него актуальной: во Фрайбурге он слушает лекции ведущего профессора политической экономики Герхарда Шульце-Геверница (Schulze-Gaevernitz), а в 1909 г. Гессен вместе с Антощенковым-Федоровским издает перевод ректорской речи «Маркс или Кант?», произнесенной Шульце-Геверницей 9 мая 1908 г. Такая постановка вопроса обращена к философским основаниям немецкого идеализма, в котором «эмпирическое “Я” впервые — в сознании своей свободы — признало сверхэмпирическую ценность, этот фундамент культурного мира человеческого слова и дела. На “горных вершинах” этого мира подобное признание ценности поднимается до “благоговения”. Ядром внутреннего существа Маркса было, несомненно, то отрицание ценностей, когда эмпирическое “Я”, возмущенное узостью традиционных определений ценности, отвергает сверхэмпирическую ценность вообще. В Марксе пылал дух разрушения» [2, с. 72], — констатирует Шульце-Геверниц. «Главная ошибка Маркса, — по его мнению, — состоит в том, что “долженствование” (das Sollen) он хочет “доказать” естественно-научным путем» [2, с. 108], при этом оказывается, что из инстинктивного стремления к счастью «невозможно... вывести какую бы то ни было этическую норму» [2, с. 109], что в свою очередь означает разрыв между Кантом и Марксом и постановку вопроса об их отношении как «или-или». Однако на вопрос «Маркс или Кант?» Гессен ответил бы, с одной стороны, соглашаясь с автором речи в том, что этика Канта в сущности социальна, или социалистична, но, с другой стороны, не отказываясь от возможности примирения нигилизма Маркса как «реального отрицания» с признанием абсолютной ценности личности, трансцендентального Я.

Сам Гессен определял свою политическую позицию после Февральской революции неоднозначно — как некие полурешения и, опять же, компромиссы: «Хотя я давно порвал с марксизмом, душой, однако, я всегда был на стороне социал-демократической группировки Плеханова (“Единство”). Несмотря на мое кантианство, я, как и раньше, ощущал себя ближе к правовому марксизму... чем революционному социализму. Полагаю, что причиной тому было мое непреодолимое тяготение к Западу и мой демократический либерализм (курсив мой. — Ю. М.)...» [3, с. 737–738]. Как видим, можно выделить семь различных наименований в одном мировоззрении. Попытки Гессена принять непосредственное участие в революционной деятельности в России не увенчались успехом, он бежал из России и стал преуспевающим исследователем прикладной философии — педагогики — и педагогом. Что же заставило его заниматься параллельно социальной проблематикой, далекой от гносеологии и педагогики? Сам Гессен писал о необходимости заработка в тяжелой эмигрантской жизни, при этом его знакомые — М. В. Вишняк, Ф. А. Сте-

пун, Г. Д. Гурвич, В. В. Зеньковский, Б. В. Яковенко — публиковались в литературных и общественно-политических журналах, издававшихся в Париже («Современные записки», 1920–1940; «Новый град», 1931–1939); Бонне («Русская мысль», 1929–1931) и др. Кроме необходимости заработка, представляется, что Гессен не оставлял социальной проблематики еще и для того, чтобы оставаться *собеседником* в *дискурсе* своего времени, это было его кредо, такое же, как и у Герцена. И позднее, живя в Варшаве, где он нашел искомую «тихую заводь» с 1935 г., Гессен первоначально был занят исследованиями по педагогике, писал «Философию педагогики», но во время Второй мировой войны он нелегально преподавал студентам философию, педагогику и вернулся к социально-политической проблематике. Указывая на то, что левые идеи популярны не только в кругу его учеников, но и у всей европейской интеллигенции, Гессен вспоминает А. Каминского. Разрабатывал свою социальную концепцию Гессен основательно и довольно растянуто, что напоминает скорее штудии или рецепцию распространенных в то время в Европе социально-правовых идей, в первую очередь, либеральных, сам же он отмечает близость ее «либеральному социализму» Г. Д. Х. Коля (Cole). Предлагаемая концепция содержательно, по определению прочитавшего ее в рукописи ученика Гессена, является «курсом политической экономии для гуманистов» [3, с. 771]. Но, как и в случае с его книгой «Основы педагогики», в которой он придерживался гуманистической позиции, у Гессена есть переход за гуманистический горизонт философии, о чем сам он пишет: «Я же, будучи учеником Риккерта и, опосредованно, Канта, все более развивался в направлении платонизма, стараясь разработать многоэтажную теорию реальности, увенчивающуюся теорией духовного бытия, а в *дальнейшей перспективе* даже визией “Царствия Божия”» [3, с. 781]. Философское обоснование «дальнейшей перспективы» Гессен проводит последовательно во всех областях своей творческой деятельности: в гносеологии — в статье «Монизм и плюрализм в системе понятий» (1928), в антропологии и педагогике — в статье «О нравственном воспитании» (1934), в социальной философии — в очерках «Правовое государство и социализм», где он пишет о *расширении* принципа индивидуализма через признание реальности коллективных личностей, их индивидуального существования как лица. Все эти выходы к перспективе «Царства Божия» философски обосновываются им через обращение к философии всеединства Вл. Соловьева. Посредством идеи всеединства Гессен пытается разрешить противостояние между индивидом и общностью, либерализмом и социализмом, правовым нигилизмом и правом. Таким образом, концепция всеединства становится связующим звеном в *дальнейшей расширенной перспективе мировоззрения Гессена, превращая отдельные планы его работы: гносеологию, антропологию, педагогику, этику и социальную философию в систему*. Поскольку Гессен не отказывается от социалистической идеи, ему необходимо отделить свою позицию от марксистской, для этого он удваивает свою методологию и использует не только многоэтажный платонизм, но и гегелевскую диалектику.

Точки соприкосновения правового нигилизма и либерализма

Социальная философия Гессена разрабатывается им на основе трех центральных понятий: «право», «социализм», «либерализм». По мнению А. Валицкого

(А. Walitski), именно право задает тон всему творчеству Гессена, смысл которого Валицкий сводит к емкой формуле «оправдание права», ставя его тем самым в один ряд с «Оправданием добра» Вл. Соловьева и антроподицей Н. А. Бердяева и включая его в отечественную традицию правоведения.

Гессен среди тем, составлявших предмет «настойчивых размышлений и занятий», все более и более его занимавших и тесно связанных с этикой и философией права, а также и с политической свободой, называет проблему правового социализма, которая станет содержанием его работы «Правовое государство и социализм» (ср.: [3, с. 743]). Акцентируя внимание на вопросах, связанных с обществом, государством и правом, он рассматривает их с неотделимо и подспудно присутствующей во всех этих размышлениях позиции об индивидуальной причинности и личности, что прослеживается и в его полемике со взглядами на личность Н. А. Бердяева, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, П. И. Новгородцева.

С чем сталкивается Гессен, обращаясь к проблеме права в России? Трактовка права в России получает свою философскую и понятийную обработку, опираясь на немецкий идеализм и рационализм, не принимая при этом как узко-рациональное определение *права наличного бытия* у Гегеля, так и *ограниченное* категорическим императивом *бытие должного* у Канта. В России складывается своеобразное отношение к праву: *действие права раздвигается*, оно выходит за пределы *разума* и *морали* в *эстетическую сферу чувств*, иррационального, религиозного, парадоксального и абсурдного. Становится более очевидным, что *приоритет внутренней свободы, смещение формирования правового сознания и норм не только в этику, но и в эстетику является отличительной чертой русской культуры*. Подтверждением этому становится и обращение Гессена к творчеству писателей — самых известных представителей правового нигилизма, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Правовой нигилизм — это своеобразная черта правовой культуры (не бескультурия) в России и только одна из граней более широкого феномена всей культуры, называемого нигилизмом, не только имеющего свою традицию и значение как в истории идей и художественном творчестве, но и задающего масштаб современным теоретическим и художественным исканиям и выражениям. Поэтому Гессен, создавая свою концепцию правового социализма, не может обойти тему правового нигилизма. Феномен правового нигилизма в России не только многогранен, но и неоднозначен, он раскрывается как *амбивалентное*, обуславливаемое, с одной стороны, *отрицанием* права, государства, церкви, с другой — *признанием нравственного закона* («панморализм»), «права как минимума нравственности», а также и *нормообразующей роли искусства*. На первый план выходит та сторона правового нигилизма, которая направлена на отрицание рационального как недостаточного основания для постижения реальности и которая была сформулирована Владимиром Соловьевым: «Основной естественный принцип политического общества есть *законность*, или *право*, как выражение справедливости, причем разумеется, что частные формы или проявления этого принципа, т. е. *действительные* права и законы в *действительных* политических обществах, имеют характер совершенно относительный и временный, так как необходимо определяются различными изменяющимися историческими условиями. Все действительные правовые учреждения, подвергаемые критерию абсолютных начал правды и блага, являются ненормальными, и все политическое существование человечества представляется

какою-то наследственной болезнью (курсив мой. — Ю. М.)» [4, с. 147]. Такое видение государства и права становится доминирующим в формировании правового сознания в философии, в литературе и в обществе. Складывается принципиальное понимание права, которое должно при формулировке законов и норм руководствоваться не приоритетом разума, панлогизмом, — а должным, т. е. панморализмом, опирающимся на веру.

Связь правового нигилизма с либерализмом и их противостояние оцениваются как основополагающие для философии права в России, которая формировалась в традиции, намеченной дискурсом между теоретиком правового нигилизма философом Вл. Соловьевым и правоведом-либералом Б. Н. Чичериным. Дискурс включал в первую очередь проблему «соотношения права и морали». Дискуссия вызвала огромный общественный резонанс в культурной и общественной жизни, в данном теоретическом дискурсе столкнулись два взгляда на философию: «как строгую науку», опирающуюся на разум и логику, и философию как метафизику, допускающую выход к иррациональному мышлению, к трансцендентному. Для Соловьева «право как таковое», в отличие от нравственности, направленной к совершенству, всегда представляет собой некое ограничение и не может трактоваться как абсолютное начало, независимое от нравственности, поэтому его основное стремление и желание — выявить то общее, что связывало бы право и нравственность (ср.: [5, с. 446–448]). Чичерин же разрабатывает принцип автономности права с позиции классического либерализма, отстаивающего индивидуализм, являющийся «краеугольным камнем всякого истинно человеческого здания» [6, с. 65–66]. В предисловии «Неоконченная симфония русского либерализма, или возвращение белого парохода» к антологии «Опыт русского либерализма» М. А. Абрамов отмечает, что, «если не забираться в глубь истории, где можно обнаружить “либеральную мудрость” Екатерины II или “либеральное начало” правления ее внука, то новое для России слово “либерализм” получило гражданство после крымского конфуза, став лозунгом всякого образованного и здравомыслящего человека» [7, с. 5]. Абрамов называет первым и едва ли не последним либералом-классиком в России Б. Н. Чичерина, который в 1855 г. в статье «Современные задачи русской жизни» пишет о либерализме: «...Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнение...» [8, с. 111] (цит. по: [7, с. 5]). Политический либерализм нашел выражение в образовавшейся в России в 1904 г. партии конституционных-демократов, одним из главных основателей которой был отец Гессена — Иосиф Владимирович. Призыв же Чичерина к объединению всех направлений привел к тому, что понимание либерализма в России, как отмечает В. Ф. Пустарнаков, отличаются «разной», «неопределенность» и «размытость». А главным является господство «расширительного его толкования, когда понятие “либерал” фактически отождествляется с понятием “реформатор”, “прогрессист”, когда первым либералом называют Прометея, или когда под либерализмом понимается всякое ограничение политической власти законами и представительными учреждениями» [9, с. 6]. Пустарнаков также критически отмечает, что под влиянием расширительных трактовок либерализма к либералам относятся и дворянские либералы, или славянофилы, или т. н. консервативные либералы. Абрамов же, рассматривая либерализм в России, констатирует, что именно *благодаря* такому

расширению либерализма «загадочная славянская душа придала идеалам свободы иррациональное измерение» [7, с. 5], формируется специфика русского либерализма. Примечательно, что оба автора признают эту специфику: *русский либерализм отличается особым интересом к социальной проблематике.*

Может сложиться впечатление, что либерализм несовместим с правовым нигилизмом, поскольку традиционно и до сегодняшнего дня либерализму противопоставляется не только и не столько правовой нигилизм, а в первую очередь коммуитаризм. Однако в России итогом спора между Б. Чичериным и Вл. Соловьевым стал своеобразный синтез их позиций в преобразованном варианте русского либерализма — в «социальном либерализме», теории которого разработаны — в концепциях П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, а также С. И. Гессена — как *теории социального государства*. Гессен также стремится решать противостояние морали и права в ключе отечественной традиции, привнося в них элемент иррационального. Следуя методологии неокантианства, разделяющей науки на отвлеченные, прикладные и гетерономные, Гессен относит к последним право и богословие, которые «в своей достоверности и значимости также зависят от нелогических моментов (нравств. долженствования, религиозной веры)» [10, с. 402]. А. Валицкий указывает на то, что Гессен проявил «способность соединить искреннюю приверженность к правопорядку с признанием значительной правоты за всей традицией русского правового нигилизма... Довольно долго он, как и многие другие либералы-западники, считал русский народ стоящим вне элементарной правовой культуры, мало того, возводящим такое правовое варварство в ранг добродетели... Однако со временем он сам склонился к мнению, что знаменитое российское неприятие права и в самом деле нередко добродетельно, что оно является чем-то вроде нравственного максимализма, столь превозносимого (и не без основания) русскими мыслителями и левого (Герцен), и правого (славянофилы) толка» [11, с. 26]. Решая вопрос об отношении правового нигилизма и либерализма, Гессен находит в них точки соприкосновения, на что также указывает Валицкий, приводя аргументацию Гессена: «...конечно, русские “правовые нигилисты” страдали односторонностью... Они видели только одну функцию права — в социальном аспекте бытия человека — и заблуждались, отрицая высший уровень человеческого существования» [11, с. 26]. Но правота правовых нигилистов заключалась в том, что свобода как таковая не может быть отождествлена со свободой, ограниченной правом, и народники правильно показали, что конституционная свобода не в состоянии решить социальных вопросов, считая «право инструментом эксплуатации». Правы были и религиозные правовые нигилисты — славянофилы, а также Толстой и Достоевский, «которых отталкивали умозрительная холодность и формализм права и которые провозгласили бесконечное превосходство над ними христианского идеала любви» [11, с. 27]. После искомого компромисса и примирения русского правового нигилизма с либеральным правом следующим шагом для Гессена становится примирение либерализма с коммуитаризмом в концепции правового социализма.

Преобразование либерализма, идея всеединства

Для решения на первый взгляд парадоксальной проблемы единства, а не противостояния либерализма и коммуитаризма Гессен усложняет свою много-

этажную методологию, он использует диалектику, гносеологию неокантианства и платонизм. Так, 1-й этаж — это обработка реальности посредством *понятий*, 2-й — посредством *идей*, 3-й — посредством *ценностей* и, наконец, 4-й этаж — это *Царство Божие*. Опираясь на диалектику, Гессен выделяет утопический социализм как абстрактное отрицание либерально-капиталистического строя, *марксизм* как реальное его отрицание; далее — вырождение реального отрицания в чистое уничтожение: революционный коммунизм; и перерождение реального отрицания в преобразующее отрицание. Завершается отрицание правовым социализмом и новым средневековьем. Для решения *преобразования* идеи правового социализма Гессен обращается к религиозной терминологии славянофилов, соединяя ее с идеалистическими мотивами Лассалья (Lassalle). Гессен также пользуется органической теорией Отто фон Гирке (Otto von Gierke), обосновывающей новый *гильдеизм*, на основании которого и начинает бытовать термин «новое средневековье». Для понимания творчества Гессена как цельной системы важным является не применение им диалектики к социальному развитию, а разработка правового социализма, связанная с *преобразованием* либеральной идеи права. Как известно, русская философская и правовая культуры складывались первоначально как перевод и адаптация немецкой идеалистической философии. Впоследствии, в 20–30-х годах XX в., оказавшись в Европе, эмигранты применяют уже сложившийся в России под влиянием немецкой философии правовой понятийный аппарат к формулировке разрабатываемых новых концепций. Данный аспект важен тем, что философия права Гессена первоначально разрабатывается в дискурсивном поле немецкой и русской, а впоследствии французской и англосаксонской традиций, которые, в свою очередь, в 20-е годы прошлого века развиваются под влиянием эмигрантов из России. Такое взаимопроникновение и обогащение становится очевидным на примере введения в социально правовой дискурс понятия «коллективная личность», которое возникает в Германии, но находит свое своеобразное толкование на почве идеи всеединства Вл. Соловьева у Гессена, Дж. Гурвича, Л. П. Карсавина. Наибольшее же влияние идеи всеединства прослеживается у основателя социального права во Франции Джоржа Гурвича (Georges Gurvitch), известного в России как Георгий Давидович Гурвич (1894–1965), который был учеником Гессена в Петрограде. Гурвичу, по словам Гессена, «не только удалось выразить в своем труде («Настоящее время и идея социального права» (1931) и «Идея социального права. Понятие и система социального права» (1932). — Ю. М.) некоторые характерные мотивы русской мысли, но и обогатить ими европейскую науку и даже французскую философскую и юридическую терминологию» [12, с. 423]. Данный аспект важен для понимания основного вклада Гессена в *обновление либерализма* через его *расширение коммунитаризмом*, теоретическим основанием которого является концепция всеединства Вл. Соловьева. При этом для Гессена остается неизменно признанием «*принципиальной непроницаемости личности* не только для государства, но для всякого независимого от государства социального правопорядка...» и другого лица, что означает «*признание сверхправового начала личности*» [13, с. 380–381]. Гессен анализирует классический либерализм и констатирует, что он понимал общество как совокупность отдельных атомов-граждан, конкурирующих между собой и в борьбе нарушающих разграниченные правом сферы личного произвола. Роль права в таком государстве сводилась к тому, чтобы быть «*беспристрастным судьей* в спорах отдельных граждан между

собой. Судить на основании установленного закона, раз навсегда размежевавшего сферы личного произвола, — в этом правоверный либерализм видел единственную задачу гос. власти» [13, с. 202]. Гессен констатирует появление нового либерализма, представленного в различных странах, и отмечает, что для нового либерализма «свобода и общая воля» находятся в «состоянии органического роста». Пересмотр позиций в либерализме стал результатом его критики анархизмом и социализмом, после которой уже нельзя было мыслить общество механически как сталкивающиеся между собой атомы. В новом либерализме свобода стала пониматься «не как нечто готовое и законченное, в одинаковой степени отмеренное всем лицам, а как качество личности, находящееся в непрерывном процессе, могущее расширяться и сужаться расти и вырождаться» [13, с. 190]. Правоверный либерализм XX в. противопоставляет невмешательство государственной власти демократии как суверенитету «общей воли». Неолиберализм же предлагает ослабление власти народа как выразителя общей воли. Существом демократии в неолиберализме, отмечает Гессен, становится не «самодержавие народа», а «признание того, что никто не обладает абсолютной истиной. Народ не всегда прав, истина является «предметом общего искания». «Общая воля» является не готовым фактом, а заданием, и «все группы общества могут лишь стремиться к ней» [13, с. 201], и никакая группа не может претендовать на роль единственного и полного ее выразителя. Приводя в пример существующие позиции, Гессен не останавливается на новом либерализме, он видит его ограниченность в «недостаточном признании им реальности коллективных лиц» [13, с. 213–214].

Термин «коллективные личности» предложил Макс Шелер (Max Scheler) в своей книге «Формализм в этике и этика материальных ценностей» для различения форм социальности: 1 — масса, 2 — витальная общность, 3 — общество, 4 — коллективные личности (ср.: [14, S. 547–556]). Гессен знает этот труд Шелера и ссылается на него в связи с разработкой темы нравственного воспитания. Но для социальной философии он скорее применяет понятие коллективной личности, отталкиваясь от другого близкого термина «сложная коллективная личность», «сложное юридическое лицо», родоначальником которого был немецкий юрист, представитель этико-органической теории собственности Отто фон Гирке, который вводит этот термин, соотнося его со Средневековьем, как это делает и Гессен. Близость ко взглядам последнего объясняется также тем, что на него ссылается соратник Гессена в Праге Гурвич в своей статье «Социализм и собственность» (1928), в которой он переводит немецкий термин «Gesamteigentum» (общая собственность) через понятие русской религиозной философии «соборная собственность», которая закрепляется «за многосложными, соборными (органическими) субъектами, в которых собственность одновременно принадлежит и целому, и каждому сочлену в отдельности» [15, с. 357]. Очевидно, что для разъяснения содержания термина соборной собственности Гурвич использует и трактовку идеи всеединства Вл. Соловьевым. То, что понятие «коллективной личности» может применяться в социальной концепции всеединства, подтверждается и использованием его Л. П. Карсавиным в его вышедшей в Берлине 1923 г. книге «Философия истории», на которую Гессен написал рецензию (ср.: [16, с. 479–484]). Карсавин говорит о «социальной группе» или, иначе, «исторической коллективной индивидуальности», которая «мыслится как совокупность определенного, хотя и неизвестного нам точно числа индивидуумов,

распределенных во времени и пространстве. Всякий историк, всякий “социолог”, всякий общественный деятель и даже всякий обыватель говорят о семье, роде, классе, обществе... как о некотором целом» [17, с. 90]. Коллективная историческая индивидуальность для Карсавина неопределима извне, поскольку она есть «индивидуальность социально-психическая». Изнутри же ее в первую очередь определяет «специфическое социальное общение, особое качественное социальное общения. ...Мы только ближайшим образом определяем понятие *специфичности* социального общения, — пишет Карсавин, — когда признаем конституирующим группу принципом известную “общность” настроений, взглядов и стремлений, известную “общую” идеологию или “общее” мирозерцание, “общую” направленность на внешний мир» [17, с. 92]. Таким образом, концепция всеединства, развиваемая в русской философии, может рассматриваться у Гессена как искомое основание единства либерализма и социализма.

В разрабатываемой концепции правового социализма Гессен отмечает, что «процесс роста “взаимозависимости”, или изъятия из конкуренции, совершающийся параллельно процессу облагораживания и роста коллективных лиц, привел в настоящее время к такому расслоению и консолидации общества, которое не укладывается ни в либеральную концепцию общества как агрегата отдельных физических лиц, ни в противостоящую марксистскую концепцию его как растущего противоборства... классов. Отдельные лица все более и более уступают место общественным союзам самого разнообразного типа, представляющим собой нечто существенно большее нежели простую совокупность лиц, объединенных одинаковыми интересами. ...Союзы... подобно отдельным лицам, имеют свою традицию, свою отличную от входящих в нее лиц волю, свое определенное назначение в обществе» [13, с. 214]. В качестве примера Гессен указывает на университеты, просветительские ассоциации, ученые союзы, кооперативы и т.п., которые «являются носителями некоторой сверхличной задачи-идеи, которая объединяет входящих в них лиц не одинаковостью интересов, а *общностью служения одной и той же объективной задаче, общностью выполнения одной и той же общественной функции*». Возникает «союз-общность, являющийся носителем объективного культурного интереса, или сверхличной культурной ценности» [13, с. 214]. Гессен разъясняет важную для его расширения либерального принципа деталь: «Как отдельные личности достигают различных ступеней свободы и личного бытия, так и коллективная личность общественного союза имеет *степени своего осуществления*» [13, с. 215]. Общественные союзы, развиваясь, *вырастают в личности*, и Гессен приводит в пример портал средневекового собора с фигурами святых патронов соответствующих гильдий. По его мнению, это является свидетельством того, что «каждая гильдия мыслилась как индивидуальное, незаменимое в целостности общества *лицо*, как коллективная личность в подлинном смысле этого слова» [13, с. 215].

Критикуя ограниченность современного либерализма, продолжающего основываться только на индивидуализме, Гессен делает существенное замечание о том, что *современный либерализм не распространяет индивидуализм «на выросшие до степени коллективных личностей союзы. ...Речь идет не о замене индивидуализма коллективизмом, а о расширении принципа индивидуализма»* [13, с. 216], а именно коллективной личностью. В данном случае Гессен опять же применяет свою перво-

начальную теоретическую установку индивидуальной причинности как метод теоретизации исторического бытия и проводит до конца свою убежденность в *духовном* основании права как орудия духа и *основы деятельности* не только *индивидуальной*, но и *коллективной личностей*. При этом, как было показано, Гессен привносит в диалектику правового социализма религиозное толкование русскими мыслителями Вл. Соловьевым и Л. П. Карсавиным всеединой, соборной личности.

При всей основательности разработки Гессеном концепции правового социализма, представленной им в 20-е годы в ряде очерков журнала «Современные записки», ее признание и соответственно влияние были довольно ограничены. Причина могла быть той же, что и в статьях в «Единстве», о которых он сам писал, они «были образчиком оторванных от реальности теоретических выводов и абсолютно бессильной позиции» [3, с. 738]. И тем не менее применение Гессеном идей всеединства и коллективной личности для интерпретации *расширенного либерального принципа* может помочь сегодня, когда исследователи, констатируя существующее в социально-политической науке противостояние либеральной и коммунитаристской концепций, выявляют необъяснимый парадокс сближения идей либерализма и коммунитаризма (см.: [18, с. 204]).

Оказывается, что концепция правового социализма Гессена актуальна, более того, она предлагает решение констатируемой сегодня дилеммы либерализма и коммунитаризма и парадокса их сближения. Трансформационные процессы в России в 90-е годы происходили в соответствии с избранной неолиберальной моделью рынка и общества, означающей переход от крайних форм коллективизма и правового нигилизма к индивидуализму. Поскольку право в либерализме понимается как парадигма, признающая абсолютную ценность личности, приоритет свободы и интересов личности по отношению к обществу, то и парадигма правосознания мыслится как противоположная коммунитарной. Дилемма коммунитаристской и либеральной парадигм составляет «существо не только правового и политического сознания, но и группы наук — политологии, науки о государстве и праве, всех юридических дисциплин, социологии, экономики» [18, с. 204], отмечают В. Б. Власова, Н. С. Петренко, В. Г. Федотова — авторы статьи «Социальное знание и российские реформы 90-х годов», одна из глав которой так и называется: «Дилемма коммунитаристской и либеральной парадигм отечественного и западного правосознания и науки о праве» [18, с. 205]. При этом авторы называют сложившуюся современную ситуацию соотношения коммунитаризма и неолиберализма *парадоксальной*, указывая на то, что они движутся в направлении друг друга. Так, например, в России отменили всяческие квоты при поступлении в университет и приеме на работу, в то время в сфере образования в США они вводятся: при приеме в университет существует предпочтение для афроамериканцев. Решение же данной дилеммы и объяснение парадокса предлагает, как это было показано выше, в своей концепции расширенного коммунитаризмом либерального принципа и правового социализма Гессен.

В заключение можно сказать о том, что Гессен в своей социально-политической концепции правового социализма не только расширяет либеральный принцип коммунитаризмом (коллективной личностью), а в первую очередь остается верным сторонником и последователем социалистической идеи, которую он разрабатывает на основе расширенного либерального принципа права.

Литература

1. *Hessen S. Herzen // Kroner R., Bubnoff N.v., Mehlis G., Hessen S., Steppuhn F. Vom Messias. Kulturphilosophische Essays. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1909. S. 42–59.*
2. *Шульце-Гевверниц Г. Маркс или Кант? Ректорская речь, прочитанная 9 мая 1908 г. // Фауст и Заратустра. СПб.: Азбука, 2001. С. 71–115.*
3. *Гессен С.И. Мое жизнеописание (Приложение) // Гессен С.И. Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 723–782.*
4. *Соловьев Вл. Философские начала цельного знания // Соловьев Вл. Соч.: в 2 т. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 139–288.*
5. *Соловьев Вл. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев Вл. Соч.: в 2 т. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 47–580.*
6. *Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. 656 с.*
7. *Абрамов М.А. Неоконченная симфония русского либерализма, или возвращение белого парохода (Предисловие) // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон, 1997. С. 5–18. (История философии в памятниках.)*
8. *Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Вып 2 (кн. IV–VI). 1857–1859. Факсимильное издание. М.: Наука, 1975. С. 51–129.*
9. *Пустарнаков В.Ф. Либерализм в России. Казань: Печатный двор, 2002. 196 с.*
10. *Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.*
11. *Валицкий А. Сергей Гессен. Философ в изгнании // Гессен С.И. Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 3–28.*
12. *Гессен С.И. Идея социального права // Современные записки. Париж, 1932. № XLIX. С. 421–435.*
13. *Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Гессен С.И. Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 147–542.*
14. *Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. 2. Aufl. Halle a. d. S.: Niemeyer, 1921. 620 S.*
15. *Гурвич Г.Д. Социализм и собственность // Современные записки. Париж, 1928. № XXXVI. С. 346–382.*
16. *Sergius [Гессен С.И.] Л. Карсавин: Философия истории. Изд-во «Обелиск». Берлин. 1923. Стр. 358 // Современные записки. Париж, 1925. № XXIII. С. 479–484.*
17. *Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. 351 с.*
18. *Власова В.Б., Петренко Н.С., Федотова В.Г. Социальное знание и российские реформы 90-х годов (Глава V) // Социальные знания и социальные изменения. М.: ИФРАН, 2001. С. 204–266.*

Статья поступила в редакцию 18 мая 2019 г.;
рекомендована в печать 11 декабря 2019 г.

Контактная информация:

Мелих Юлия Биляловна — д-р филос. наук, проф.; yuliamelikh@yahoo.com

The extension of liberalism by collectivism in S. I. Hessen

Yu. B. Melikh

M. V. Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Melikh Yu. B. The extension of liberalism by collectivism in S. I. Hessen. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 1, pp. 35–48.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.103> (In Russian)

The article considers the principle of the extension of liberalism by collectivism by S.I. Hessen. It is shown that the justification of the possibility of combining the ideas of socialism, communitarianism and liberalism can be found both in the historical reality existing in the time of Hessen and in the status of philosophical, legal and social conceptions. Hessen's socio-political views are interpreted as a search for a compromise between the socialist ideas of his idol A.I. Herzen and the liberal ideas of his father I. V. Hessen. The search for a compromise between the moral maximalism of the legal nihilism of V.I. Solovyov and the liberal law of B.N. Chicherin is illustrated. Furthermore, the importance of Hessen's commitment to the transcendental theory of cultural values of the Baden school of neo-Kantianism for his theorizing of history and personality is emphasized. The author considers the concept of a *collective personality*, the theoretical sources of which are the concept of a "complex collective personality" by O. v. Gierke and the "collective personality" of M. Scheler. The concept of collective personality, which uses Hessen, as well as L. P. Karsavin, points to the closeness of Hessen's concept to the views of the Slavophiles and the philosophy of all-unity of V.I. Solovyov, which is also confirmed by the influence on Hessen of the theory of social law by G. D. Gurvitch who used the concept of "conciliar [sobornost- or communion-related] property." It is concluded that the developed principle of extending liberalism through the application of the concept of a collective personality, and the concept of legal socialism created by Hessen on this principle, can serve as the basis for explaining the paradoxical situation observed today in the social and legal sciences on the convergence of liberalism and communitarianism, which makes this study relevant.

Keywords: liberalism, neoliberalism, communitarianism, law, collective personality, principle of the extension of liberalism, I. S. Hessen, L. P. Karsavin, O. v. Gierke.

References

1. Hessen, S. (1909), "Herzen", in Kroner, R., Bubnoff, N. v., Mehliis, G., Hessen, S. and Steppuhn, F. *Vom Messias. Kulturphilosophische Essays*, Verlag von Wilhelm Engelmann, Leipzig, pp. 42–59.
2. Shul'tse-Gevernits, G. (2001), "Marx or Kant? (Rector's speech, read May 9, 1908)", in *Faust i Zaratustra*, Azbuka Publ., St. Petersburg, pp. 71–115. (In Russian)
3. Gessen, S.I. (1999), My biography (Supplement), in Gessen, S.I., *Izbrannyye sochineniia*, ROSSPEN Publ., Moscow, pp. 723–782. (In Russian)
4. Solov'ev, V.I. (1990), The philosophical principles of integral knowledge, in Solov'ev, V.I., *Sochineniia*, in 2 vols., 2nd ed., vol. 2, Mysl' Publ., Moscow, pp. 139–288. (In Russian)
5. Solov'ev, V.I. (1990), The justification of the good: an essay on moral philosophy, in Solov'ev, V.I., *Sochineniia*, in 2 vols., 2nd ed., vol. 1, Mysl' Publ., Moscow, pp. 47–580. (In Russian)
6. Chicherin, B. N. (1998), *Philosophy of law*, Nauka Publ., St. Petersburg, 656 p. (In Russian)
7. Abramov, M. A. (1997), "The unfinished symphony of Russian liberalism, or the return of the white steamboat (foreword)", in *Opyt russkogo liberalizma. Antologiya*, Kanon Publ., Moscow, pp. 5–18. (In Russian)
8. Chicherin, B. N. (1975), "Modern tasks of Russian life", in *Golosa iz Rossii. Sborniki A. I. Gertsena i N. P. Ogareva*, 2nd release (books IV–VI), 1857–1859, facsimile ed., Nauka Publ., Moscow, pp. 51–129. (In Russian)
9. Pustarnakov, V. F. (2002), *Liberalism in Russia*, Pechatnyi dvor' Publ., Kazan, 196 p. (In Russian)
10. Gessen, S. I. (2002), *Foundations of pedagogy. Introduction to applied philosophy*, Shkola-Press Publ., Moscow, 448 p. (In Russian)
11. Valitskii, A. (1999), "Sergei Hessen. Philosopher in Exile", in Gessen, S. I., *Izbrannyye sochineniia*, ROSSPEN Publ., Moscow, pp. 3–28. (In Russian)
12. Gessen, S. I. (1932), Idea of social law, *Sovremennyye zapiski*, Paris, no. XLIX, pp. 421–435. (In Russian)
13. Gessen, S. I. (1999), The rule of law and socialism, in Gessen, S. I., *Izbrannyye sochineniia*, ROSSPEN Publ., Moscow, pp. 147–542. (In Russian)
14. Scheler, M. (1921), *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik*, 2nd ed., Niemeyer, Halle a. d. S., 620 p.

15. Gurvich, G. D. (1928), “Socialism and property”, *Sovremennye zapiski*, Paris, no. XXXVI, pp. 346–382. (In Russian)
16. Sergius [Gessen, S. I.] (1925), L. Karsavin. *Filosofia istorii*. Berlin: Obelisk, 1923, *Sovremennye zapiski*, Paris, no. XXIII, pp. 479–484. (In Russian)
17. Karsavin, L. P. (1993), *Philosophy of history*, Komplekt Publ., St. Petersburg, 351 p. (In Russian)
18. Vlasova, V. B., Petrenko, N. S. and Fedotova, V. G. (2001), “Social Knowledge and Russian Reforms of the 90s (Chapter V)”, in *Sotsial’nye znaniia i sotsial’nye izmeneniia*, IFRAN Publ., Moscow, pp. 204–266. (In Russian)

Received: May 18, 2019

Accepted: December 11, 2019

Author’s information:

Yulia B. Melikh — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; yuliamelikh@yahoo.com